

Когда он отошел от нее, то увидел, что остальные четыре девушки восхищенно смотрят на них. Возможно, подумал он, у некоторых из них есть собственные братья—и они думают, на что это может быть похоже . . .

Грант теперь немного устал, но знал, что еще не совсем закончил. Какой именно будет следующая фаза действия, он точно не знал. Когда он оглядел комнату, то увидел, что некоторые из девушек смотрели на него немного обиженно из—за рокового разрыва их гимнов и сопутствующей боли, которую это действие—и растяжение их киски—вызвало. Некоторые все еще лежали согнувшись пополам в позе эмбриона, прижав руки к паху.

Что же касается его самого, то это удивительное достижение-избавить сразу пять девушек от девственности-почему-то не показалось ему чем-то из ряда вон выходящим. Вместо этого, когда он посмотрел вниз на свой окровавленный член, он почувствовал необходимость сделать небольшую уборку.

Он неторопливо прошел в ванную, чтобы смыть свой член, но был удивлен, обнаружив, что почти все свободное пространство вокруг раковины было завалено ошеломляющим набором женской косметики и всевозможных туалетных принадлежностей. Он даже не мог понять предназначение некоторых из них, хотя ему очень нравилось, как девушки наряжаются для него. Но когда он увидел большую синюю банку кольдкрема, его мозг начал работать.

Он также почувствовал внезапное оживление чувств в своем члене.

Сняв крышку, он вернулся в комнату с открытой банкой в руке. Он решил, что следующий раунд начнется в той же последовательности, что и первый.

Марсия лежала на боку, засунув руки между ног, и тихо стонала. Она, конечно, все еще была обнажена, не имея ни сил, ни духа, чтобы одеться в ночную рубашку. Когда она посмотрела на гранта, возвышающегося теперь над ней, то не ее нагота и не его—даже не его поднимающийся член—привлекли ее внимание. Это была та самая предательская синяя банка.

-Ч-что это значит?- она запнулась.

Грант наклонился и несколько агрессивно заставил Марсию лечь на живот. Громко протестуя ("Эй, в чем дело?"), она попыталась встать или отодвинуться, насколько позволяла боль в ее интимных местах; но ей не удалось уйти очень далеко. Поставив баночку на пол рядом с ней, Грант прижал ее сильной рукой к пояснице, затем зачерпнул немного кольдкрема и начал наносить его.

К заднему проходу Марсии.

- О боже!- закричала она, внезапно поняв, что сейчас произойдет. -Не смей этого делать!- Она слышала об этой процедуре—некоторые девушки утверждали, что она им нравится даже больше, чем другой способ,—но она действительно не думала, что когда-нибудь подвергнется ей, и уж точно не тогда, когда всего несколько минут назад она потеряла девственность старомодным способом.

Грант спокойно уселся прямо на лежащее теперь навзничь тело Марсии. Это была небольшая милость, что он вошел в это тугое заднее отверстие медленно и осторожно.

Но по мере того, как он продвигался дюйм за дюймом безжалостно, Марсия испустила крик, который неумолимо нарастал по высоте и громкости. Когда он полностью вошел в нее—во что она с трудом верила, что это вообще возможно,—ее крик превратился в невнятный стон, когда

ее язык вырвался изо рта, а глаза широко раскрылись. Можно ли в каком-то смысле назвать болезненным то, что она сейчас испытывала? Это был почти абсурдный вопрос: ощущение было настолько беспрецедентным, настолько трансцендентально странным—одновременно волнующим и унижительным,—что она, казалось, каким-то образом парила над своим телом, глядя вниз на себя, искусно пронзенную толстым членом этого мужчины.

Грант был полностью на ней, прикрывая ее, как будто защищая от града пуль. Он воспользовался этой возможностью, чтобы обхватить ее груди обеими руками, и когда он втиснул свой член в ее нижнее отверстие, она инстинктивно заворчала при каждом толчке.

Но, как и прежде, Грант не хотел слишком быстро достичь своей вершины. Через несколько минут он резко отодвинулся, оставив у Марсии такое ощущение отсутствия, что она в замешательстве ахнула. Она лежала неподвижно, как труп, не совсем понимая, что ее ударило.

Грант уже перешел к следующей девушке, Дженис. К его чести, он действительно почувствовал легкий укол сочувствия, когда ее лицо сморщилось при его приближении, и она тихо воскликнула: "Но он чувствовал себя суровым учителем, которому нужно было заставить робкого ученика взяться за особо сложный проект: Это действительно все для ее же блага. Поэтому он спокойно перевернул ее на живот, приложил холодное, влажное вещество и заставил себя войти в нее.

Вместо того чтобы закричать, Дженис вытаращила глаза, а ее челюсть отвисла, издавая странные, нечленораздельные звуки. Широко раскинув руки, она судорожно вцепилась в спальный мешок, пытаясь сбросить Гранта с себя, но потом, осознав всю тщетность этой попытки, впала в полную пассивность в надежде, что он закончит раньше. Ощущение его члена, колотившегося о ее анус, было настолько необычным, что она не могла сравнить его с чем—либо, что она когда-либо чувствовала-и несмотря на чрезвычайную тесноту отверстия и неизбежную боль, сопровождающую его вход, она не могла сказать, что ей полностью не нравилась эта процедура.

Но Грант снова вырвался, не достигнув кульминации. Это случилось только тогда, когда он пришел к Марджори. К этому времени большинство девочек поняли, что сопротивление бесполезно, и Марджори молча и покорно опустила лицо вниз на свой спальный мешок, терпя щедрую смазку Гранта в своем отверстии, и изо всех сил старалась не кричать, когда он проник в нее. Он был очень близок к оргазму, и когда он кончил, выпустив в нее поток своей сущности, Марджори широко открыла рот от удивления, но с тайным наслаждением, что она вытянула из него самую драгоценную субстанцию.

Сандра также сделала себя жертвенной жертвой без суеты или жалоб, и терпела боль от заднего входа только с несколькими слезами, вытекающими из нее. Грант был в ней довольно долго, но в конце концов все-таки вырвался.

Он снова подошел к сестре.

- Грант, нет, - тихо сказала она, - не делай этого.- Она приняла, даже приветствовала его насилие над своей киской, но этот альтернативный способ лишиться девственности вызывал у нее очень смешанные чувства. По своей наивности она долгое время не знала, что девочки пускают мальчиков даже в "черный ход", а когда она находила в школе девочек, которые именно так и поступали, то смотрела на них, как на юных шлюх и шлюшек. Теперь, наблюдая за своими четверьмя предшественниками, все они, казалось, испытывали по крайней мере некоторый дискомфорт от этого действия, она не знала, что и думать.

Но она знала, что Гранта не остановит никакая брезгливость с ее стороны. Возможно, она и была его сестрой, но она также была одной из этой компании бывших девственниц, и у нее не было причин ожидать особого отношения.

Поэтому она плюхнулась на кровать на живот и стала ждать, когда Грант закончит свои дела.

На самом деле он был немного более нежен с ней, чем с другими, но, тем не менее, он был неумолим в своих толчках. Как и прежде, он взял ее груди в свои руки и крепко сжал их—но затем, спустя некоторое время, его рука скользнула вниз к ее киске, и он начал ласкать ее в этом чувствительном месте. При первом же прикосновении его пальцев она открыла крепко зажмуренные глаза и сдавленно вскрикнула. Грант все энергичнее вдавливал в нее свой член, отчего она чувствовала головокружение и головокружение. И когда он начал кончать, посылая свое излучение глубоко внутрь нее, его умелые пальцы вызвали у Кэрри оргазм, который был настолько ошеломляющим, что она была близка к обмороку.

Он отстранился слишком быстро, и ее пронзила острая боль. Но она была так измотана, что у нее едва хватало сил реагировать на это.

Сам Грант теперь был в значительной степени готов: четыре кульминации обычно были его пределом. Он снова окинул взглядом всю сцену: пять девушек либо лежали в коме на спине или животе, либо корчились от боли спереди и сзади, либо смотрели на него обиженно, но с оттенком боязливого восхищения. Один или двое из них не могли оторвать глаз от его члена, который все еще был немного налит, хотя теперь немного поник.

На нетвердых ногах он поплелся в ванную, чтобы привести себя в порядок. Затем, выйдя, он неторопливо направился к двери, ведущей в главный дом, и сказал через плечо: "Спасибо, девочки, это был взрыв."

На мгновение воцарилась жуткая тишина. Затем, внезапно, Марсия начала тихо плакать, и это было спусковым крючком для каскада слез от всех девочек—что-то, что не утихало, пока все они не упали в тяжелый, почти наркотический сон.

*

Много лет спустя Дженис обнималась со своим бойфрендом Тоддом, с которым встречалась уже несколько месяцев, после довольно бурного приступа любви. Совершенно невинный Тодд отважился спросить: "Скажи, а каким был твой первый раз?"

Кровь отхлынула от лица Дженис, за которой последовал яростный румянец. Тодд, встревоженный увиденным, спросил: "В чем дело? С тобой все в порядке?"

После нескольких мгновений многозначительного молчания Дженис изложила Тодду сильно урезанную и вычеркнутую версию своей встречи с грантом на той роковой вечеринке с ночевкой. У Тодда отвисла челюсть—и Дженис не могла сказать, было ли это от изумления перед сексуальной доблестью Гранта или от ужаса перед его явным пренебрежением к телесной неприкосновенности девочек.

-Он ... он убил вас всех пятерых по очереди?- Недоверчиво произнес Тодд.

- Да, - коротко ответила Дженис. - Дважды-спереди и сзади."

—Но ... но, - пробормотал Тодд, - разве вы не могли остановить его? Я имею в виду, что он в основном р ... — он не мог выдать из себя это слово.

- Как же так?- Язвительно сказала Дженис.

- Как же так? Вас было пятеро, а его только один!"

-А что мы должны были делать?- Сказала Дженис, теряя терпение. - Связать его, как Гулливера и лилипутов? Это был большой, сильный парень-футболист! Мы были просто кучкой девчонок. Даже если бы мы схватили друг друга за руку или за ногу, что тогда? Мы не могли держать его вечно. Как только мы его отпустим, он просто начнет все сначала. Мы ничего не могли поделать."

-А как насчет матери Гранта? Где же она была во всем этом?"

- Я расскажу тебе о ней позже. Но поверьте мне, от нее не было бы никакой помощи. Она никак не могла контролировать своего сына."

<http://erolate.com/book/878/19740>